

УДК: 81' 25 (063)(081)

Фаховий та художній переклад: теорія, методологія, практика: збірник наукових праць / за заг. ред. С.І. Сидоренка. – К.: Аграр Медіа Груп, 2021. – 420 с.

Збірник містить статті учасників XIV Міжнародної науково-практичної конференції з питань теорії та практики перекладу, що відбулась 9-10 квітня 2021 року на кафедрі англійської філології і перекладу Національного авіаційного університету (м. Київ, Україна).

Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика: сборник научных трудов / под общей ред. С.И. Сидоренко. – Киев: Аграр Медиа Групп, 2021. – 420 с.

Сборник содержит статьи участников XIV Международной научно-практической конференции по актуальным вопросам теории и практики перевода, которая состоялась 9-10 апреля 2021 года в Национальном авиационном университете (г. Киев, Украина).

General and Specialist Translation / Interpreting: Theory, Methods, Practice: International Conference Papers. – Kyiv: Agrar Media Group, 2021. – 420 p.

The book contains papers contributed by the participants of the 14th International Conference on theory and practice of translation / interpreting held at the National Aviation University (Kyiv, Ukraine) on 9-10 April 2021.

Editorial Board:

Zaal Kikvidze, Doctor of Philological Science, Professor
(Akaki Tsereteli State University, Georgia)

Lada Kolomyets, Doctor of Philological Science, Professor
(Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine)

Yelena Karapetova, PhD (Philology), Associate Professor
(Minsk State Linguistic University, Belarus)

Jolanta Lubocha-Kruglik, Doctor of Philological Science, Professor
(University of Silesia in Katowice, Poland)

Oksana Malysa, Doctor of Philological Science
(University of Silesia in Katowice, Poland)

Veronika Razumovskaya, PhD (Philology), Associate Professor
(Siberian Federal University, Russian Federation)

Sergiy Sydorenko, PhD (Philology), Associate Professor
(National Aviation University, Ukraine)

Рекомендовано до друку Вченою радою факультету лінгвістики та соціальних комунікацій Національного авіаційного університету (протокол № 3 від 18.03.2021 р.)

ISBN 978-617-646-495-2

© Колектив авторів, 2021
© Національний авіаційний університет, 2021

Наталья Камовникова

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цензура художественных переводов в Российской Империи XIX века

The article addresses the issue of continuity of censorial practices in respect of literary translations in the Russian Empire and the Soviet Union. Despite the ideological differences, the requirements to the selection of works of foreign literature and approaches to their translation appear similar due to the adoption of the imperial censorship structure and principles for use in a seemingly new social order. The article dwells on the most flagrant cases of censorial bans of translated literature in the 19th century Russia and draws parallels with approaches practiced less than a century later by Soviet censors.

Keywords: literary translation, censorship, bans, Russian Empire, Soviet Union.

Вопрос цензуры переводной литературы в Советском Союзе, столь часто исследуемый в настоящее время, заставляет задуматься об исторических источниках происхождения гигантского цензурного аппарата советской эпохи. Действительно, спустя лишь десять лет после возникновения Главлита в 1921 г. работа цензурных структур в тридцатые годы поражала своими объемами. Именно трагические события тридцатых годов прошлого столетия, важную роль в которых сыграла советская цензура, заставили многих современников и потомков воспринимать советский цензурный аппарат как нечто новое, никогда не существовавшее доселе и созданное в целях служения новому политическому строю. Однако сам факт стремительного возникновения слаженной и разветвленной советской литературной цензуры заставляет обратить внимание на предшествующее столетие. Цензурный аппарат Российской Империи, из которого выросла советская цензура, был прочной и тщательно отрегулированной структурой. Более того: подходы царской цензуры XIX века к отбору, переводу и публикации иностранной литературы удивительным образом схожи с принципами, которыми руководствовались советские цензоры следующего столетия.

Литературная цензура Российской Империи представляла не менее обширную структуру, чем ее советская наследница. В СССР система цензурных ведомств сразу развивалась по принципу сети: горизонтально – по союзным республикам и вертикально – по

инстанциям, с рассмотрением ключевых дел в отделе пропаганды, отделе культуры ЦК КПСС или КГБ [1, с. 237]. Развитие имперской литературной цензуры берет начало от петровского разделения цензуры на церковную и светскую [2, с. 18], иными словами, от выхода художественной литературы из-под контроля церкви. В дальнейшем система светской имперской цензуры постепенно приобрела признаки, которые спустя столетие внедрились и в новые социальные условия: высшей цензурной инстанцией Российской Империи в 1828 году стало Главное управление цензуры (изначально при Министерстве народного просвещения, а с 1863 г. оно перешло под контроль Министерства внутренних дел), местные цензурные комитеты организовывались в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Вильно, Риге и Тифлисе, а также отдельные цензоры назначались в Казани, Дерпте и Ревеле. Для рассмотрения привозимой из-за границы печатной продукции был учрежден отдельный Комитет цензуры иностранной [2, с. 60].

В моих предыдущих публикациях детально говорилось об причинах цензурного вмешательства в советские переводные издания. Основными причины были названы следующие:

1. Нежелательные авторы произведений (политические противники советской власти или те, чьи жизненные принципы представлялись контролирующим органам несопоставимыми с советской действительностью).

2. Нежелательные сюжеты по причинам

а) политического содержания (несоответствующие линии коммунистической партии СССР, ставящие под сомнение правомерность действия советского государства или его политических союзников);

б) нарушения моральных и нравственных норм (прежде всего, упоминание сексуальности);

в) религиозного характера произведения или упоминания в нем религиозных символов и ритуалов;

г) противоречивой расово-этнической проблематики;

д) уничижительного отношения к реалиям советского жизненного уклада.

3. Резкое несоответствие пропагандируемым принципам стилистической организации текста [3, с. 154-185].

Изучение причин вмешательства царской цензуры XIX века в издательскую деятельность показывает, что советская цензура четко следовала по стопам цензоров, служивших российской монархии. Основные запретные темы XIX века были перечислены М.Т. Чолдин, которая сгруппировала их в четыре категории:

1. Пренебрежение к русским или другим царствующим домам.
2. Сопротивление существующему социальному порядку.
3. Изображение русских как варваров.
4. Идеи, оскорбляющие религию и нравственность [4, с. 9].

Достаточно беглого взгляда на списки подцензурных тем XIX и XX века для того, чтобы заметить их абсолютную симметричность. Единственную разницу составляют пункты с противоположным вектором: если в царской России под цензуру попадали произведения, оскорбляющие религию, то в Советском Союзе, напротив, под запретом оказывались произведения, ее пропагандирующие или даже вскользь упоминающие. И если, по воспоминаниям И.П. Стребловой, внучки А.В. Ганзен и П.Г. Ганзена, советские цензоры вычеркивали из их переводов сказок Андерсена упоминания ангелов¹, то царская цензура с не меньшим рвением боролась со всем, что даже ненароком ставило под сомнение церковные догматы. Интересно, что подобные решения светская цензура принимала самостоятельно без обращения к цензорам Священного Синода. Так, к примеру, в 1879 году был наложен арест на опубликованный типографией Л.П. Снегирева в переводе С.П. Якубовича роман Г. Флобера «Искушение пустытника», известный современным читателям по более соответствующему оригиналу переводному заглавию «Искушение Святого Антония». Примечательно, что комитет цензуры иностранной дозволил французский оригинал «к обращению в целости», что никак не могло предвещать смятения, в которое был повергнут его переводом Московский цензурный комитет. В книге были усмотрены глумления над верой и «оскорбляющие религиозные чувства нападения на христианство». Особенно впечатляет формулировка запрета переводного издания, вследствие которого были сожжены 1180 его экземпляров, – в ней сквозит затаенное восхищение мастерством Флобера: «[П]одобного рода книга как по своему содержанию, так и по оригинальному своему изложению, не лишенному таланта, должна найти у нас многочисленных читателей, особенно в среде неустановившейся молодежи обоих полов, и что она, несомненно, произведет на них самое вредное влияние» [5, с. 139].

В то время, как работа комитетов светской цензуры, как мы видели из примера, не всегда отличалась слаженностью, официально разделенные светская и духовная цензура работали в согласии; при возникновении сомнений произведения передавались из одного

¹ Автор благодарит переводчика Инну Павловну Стреблову за подробные беседы о переводческой истории ее семьи.

цензурного ведомства в другое. Так произошло с «Левиафаном» Томаса Гоббса, на перевод которого, выполненный С. Автократовым и В. Зайцевым и выпущенный Санкт-Петербургской типографией Н. Тиблена, в 1868 году был наложен арест. После долгого рассмотрения, однако, в 1872 году было решено, что «сама книга безвредна, и потому нет необходимости в ее уничтожении, но в ней встречаются местами и некоторые заблуждения, противные духу православной церкви; впрочем, не такого характера, который требовал бы уничтожения этих мест, а лишь обстоятельного опровержения, которое должно было быть написано в приложении к книге» [5, с. 65-66]. В данной связи издание было передано на рассмотрение духовной цензуры, которая усмотрела в «Левиафане» кощунственные идеи, «противные Священному Писанию», и в феврале 1874 года книга была уничтожена в количестве 575 экземпляров [5, с. 66].

Угрозу царствующим домам и социальному порядку Цензурный комитет более всего усматривал в произведениях, тем или иным образом упоминающих любую из французских революций. По этой причине несколько раз попадал под запрет роман «Отверженные» В. Гюго в разных переводах. В 1870 году под запрет попали вторая и третья часть переведенного романа, имеющие, по мнению цензоров, «самое вредное направление» [5, с. 70]. В 1880 г. перевод романа вышел в журнале А.С. Суворина «Еженедельное новое время» «с исключением из него всех неудобных в цензурном отношении мест», а в 1882 г. журнальная версия вышла отдельным изданием под заглавием «Отверженные» [5, с. 186]. Однако более полный перевод романа Гюго, выполненный Э.К. Ватсоном и опубликованный в 1891 г. под названием «Несчастные», был признан вредным и запрещен; в 1893 году было предложено внести в перевод ряд исключений, при этом издатель предположительно отказался вносить изменения, потому что, как отмечает Л.М. Добровольский, в марте 1898 г. издание все еще находилось под арестом [5, с. 186-187].

«Отверженные» – не единственное произведение Гюго, попавшее под запрет в царской России. В семидесятых годах XIX в. под запрет попал перевод его повести «Клод Ге», изданный отдельной брошюрой. Примечательно, что как короткое переводное произведение (менее двадцати печатных листов) «Клод Ге» был вынужден пройти перед выходом в печать предварительную цензуру, которая в 1867 г. публикацию одобрила. Тем не менее, спустя восемь лет брошюру изъяли из печати, а оставшиеся экземпляры уничтожили. Однако «Клод Ге» продолжал беречь умы читателей еще долгое время: его

распространяли народники-пропагандисты, а полиция изымала при обысках [5, с. 61-62].

Проведение параллелей между работой имперской и советской цензуры в отношении переводов художественной литературы заставляет обратить внимание не только на схожесть подходов к отбору нежелательных изданий, но и на конкретные произведения, вызывавшие беспокойство цензоров на протяжении полутора столетий. Под пристальное внимание цензоров, к примеру, неоднократно попадал Дени Дидро. В царской России был запрещен второй том собрания сочинений Дидро в двух томах, содержавший роман «Жак фаталист и его барин» (в современном переводе – «хозяин») и другие произведения. Книга была сожжена в 1873 г. в количестве 2462 экземпляров, будучи признанной «безнравственной и безбожной» [5, с. 99-100]. Казалось бы, данная характеристика царской цензуры должна была послужить отличной рекомендацией для цензуры советской, однако и в СССР Дидро не раз оказывался в центре внимания цензоров и даже попадал в списки спецхрана. Причиной помещения десятитомного издания Дидро в спецхранные списки стала личность его редактора И.К. Луппола, арестованного по обвинению в контрреволюционной деятельности в августе 1940 года. Справочная картотека спецхрана Российской Национальной Библиотеки содержит точный инструктаж по каждому тому на случай получения библиотекой издательской копии: «Вычеркнуть на т<итульном> л<исте> упоминание Луппола», «Удалить страницы». В конце списка от руки приписано: «Политические дефекты отпали (Луппол)» [6]. Следует отметить, что личностными причинами руководствовались и дореволюционные цензоры. Так, в XIX в. под запрет регулярно попадали переводы Вольтера и книг о нем, причем характер запрещаемых произведений не имел подчас никакого значения. «Философия истории» Вольтера в переводе В. Зайцева попала под запрет духовной цензуры в 1872 г., в тот же год был запрещен и перевод сборника лекций о Вольтере немецкого историка Д.В. Штрауса [5, с. 66-67, 76]. Запреты на издания Вольтера и работ, в которых он упоминался, имели место и ранее. Так, Николай I в 1850 г. лично запретил переиздание писем к Вольтеру Екатерины II, а относительно содержащейся в коллекции Зимнего дворца статуи Вольтера работы Гудона, ныне одного из символов Государственного Эрмитажа, он распорядился категорично: «истребить эту обезьяну» [2, с. 70-71]. К счастью, монаршее требование осталось невыполненным.

К 1917 г. русская цензура выработала подробные стратегии работы с художественными изданиями, в том числе, переводами зарубежной

художественной литературы. Пришедшая ей на смену советская цензура с легкостью подхватила разработанные в период монархии подходы и, поставив их на новые рельсы, начала активное строительство нового цензурного аппарата. Основной разницей между работами цензоров представляется то, что в то время как дореволюционная цензура была официально признана, а ее комитеты, подобно любым другим административным учреждениям, работали вполне открыто, Советский Союз существование цензуры в стране категорически отрицал. Это способствовало более активным и иногда стихийным вмешательствам в цензурную работу представителей самых разнообразных инстанций, что порождало неопределенность, которая, в свою очередь, вселяла все большие опасения в умы авторов, переводчиков и издателей и способствовала усилению самоцензуры в плане отбора иноязычных произведений для перевода, а также в выборе переводческих стратегий в передаче художественных текстов.

Литература

1. Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Харьков: Права людини, 2013. 372 с.
2. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-пресс, 2001. 368 с.
3. Kamovnikova, Natalia. *Made under Pressure. Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2019. 272 p.
4. Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции 24–27 мая 1993 г., Москва / Под ред. Т.В. Громовой. М.: Рудомино, 1995. 175 с.
5. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1962. 254 с.
6. Каталог отдела специального хранения и справочной картотеки Российской Национальной Библиотеки. Ящик 14: Ден – Док.

*Olga Kosovych
Ternopil, Ukraine*

Principles of Literary Translation in France as a Reflection of Linguistic Culture

The article examines the history of the development of translation in France in terms of the linguistic culture of the reader and the translator. For each of the 4 stages in the history of literary translation, the author analyzes the goals and principles of working with a foreign text, as well as the reaction of readers to translation. Trends and principles in translation at each stage are considered. Today, the translation practice in France, as well